



---

## I

**Н**е доходя пары шагов, он замер в нерешительности. Да, пожалуй, именно эта робость и раздражала более всего при внимательном взгляде на незнакомца. Росту высоченного. В плечах даже не сажень, целая верста. Ястребиный нос, волевой подбородок, а глаза того особого, серебристо-серого оттенка, что сразу вызывает мысли об остро заточенной шпаге или бритве. С подобной внешностью впору командовать штурмом вражеской крепости в Туркестане или покорять сердца неприступных барышень. И, главное, самый рассветный возраст — около тридцати лет. Все дороги открыты! Так нет же, переминается с ноги на ногу, стыдливо откашливается, чтобы заметили и пригласили к общему столу... Тьфу! Вырождаются молодые дворяне, что тут говорить, курсистки и те ведут себя нахрапистей.



— Мне бы... Кхе-х! Я разыскиваю Родиона Романовича Мармеладова, — его гладко выбритая голова залилась краской до макушки. — Который... Кхе-х! Который из вас он?

Посетитель окончательно смутился, но потом собрался с силами и выпалил:

— Это дело жизни и смерти!

— С другими ко мне не приходят, — усмехнулся сыщик. — Никто не желает обсудить рассказы юного Чехонте, хотя они на редкость свежи и полны глубоких мыслей. Нет, я слышу одно и то же. «Дело жизни и смерти!» А на поверку большинство историй обрачивается сущей чепухой: служанка украла фамильное серебро, или купчиха подозревает молодого мужа в измене, или иная мелкая пошлость. Если и вы пожаловали с чем-то в таком роде, прошу, не тратьте время. Лучше садитесь и откушайте замечательной ухи.

Ястребиный нос сморщился, а подозрительный взгляд скользнул по кряжистым бородатым дядькам за столом.

— Не сомневайтесь. — Мармеладов улыбнулся чуть насмешливо, но беззлобно. — И в трактире для извозчиков можно отыскать ушицу, которая удовлетворит вкус любого гурмана!



— О, вы неправильно истолковали мою реакцию. Качество здешних блюд меня не интересует. Но речь пойдет о событиях весьма деликатных, которые я надеялся обсудить... Кхе-х! Наедине.

Сыщик перешел на край длинной лавки, поближе к самовару. Потянул за рукав почтмейстера, который тут же последовал за ним, не забыв прихватить тарелку и солидный ломоть бородинского хлеба.

— Это Дмитрий Федорович Миусов, мой верный товарищ в сыскных делах. То, что вы перескажете при нем, останется тайной для остальных.

Митя стряхнул хлебные крошки с завитых усов и крепко пожал протянутую руку, вызвав полное доверие незнакомца. Хотя, может статься, у просителя в этот момент просто подкосились ноги, он в изнеможении опустился на скамью и зашептал, поминутно оглядываясь на извозчиков — не подслушивают ли:

— Хорошо, господа. Вверяю вам свою жизнь, поскольку больше надеяться не на кого. Со всех сторон... Кхе-х! Меня окружают недруги, но на самом деле это меньшее из зол. Гораздо страшнее то проклятие, что с недав-



них пор нависло над моей головой. Кхе-х! Не знаю, с чего удобнее начать...

— Для начала представьтесь, — сыщик налил чаю в граненый стакан, — кто вы и откуда.

— Вы правы! О, как же вы правы! Я такой рассеянный, что напрочь забыл о приличиях. Зовут меня Макар Макарыч Вострый, до недавнего времени я был почетным председателем альпийского клуба...

— А-а-а, вы из тех скалолазов, что взбираются на вершины гор? — Почтмейстер на мгновение оторвался от еды и посмотрел на собеседника с куда бóльшим интересом, чем прежде. — Но как вы это делаете?

— Трудно объяснить тому, кто не пробовал. Находим трещины, вбиваем крючья, цепляемся и ползем наверх, связанные одной веревкой. Друг за другом, по цепочке.

— Как безумные мураши.

— Зачем вы выбрали именно это слово? Отчего же сразу — безумные?

— Известно, отчего, — хмыкнул Митя, — умный-то в гору не пойдет!

— Да, да. Я сотни раз посыпал голову пеплом за то, что поддался этому увлечению. Без горных походов мои друзья остались бы живы,



а мне не пришлось бы шарахаться от каждой тени в ожидании мучительной смерти.

— Ваши друзья сгинули в Альпах? — уточнил сыщик.

— Нет, нет! На французской стороне слишком скучно. Там вершины с наперсток, не то что на Кавказе. Вот где раздолье для альпинистов! Отвесные скалы, обвалы камней и снежные лавины, — Макар Макарыч встрепенулся и заговорил с неподдельным энтузиазмом: — А на ледниках полно коварных трещин. Провалишься в такую — сразу режь веревку. Иначе потащишь за собой в пропасть всех людей в связке. Святое правило: погибай, но друга выручай!

— Стало быть, ваши несчастья начались на Кавказе?

— Да, да. Ох, вы же не знаете! Позвольте мне вернуться к началу и все объяснить... Кхе-х! Три года тому назад я прочел в газете об альпийском клубе, открытом в Лондоне. Группе джентльменов надоело сидеть в креслах, пить бренди и курить сигары. Они бросили вызов природе и покорили семь горных пиков, в том числе — Монблан. Вдохновляющая идея, не правда ли?!



Мармеладов пожал плечами, а Митя про- бурчал:

— Сами же сказали, тамошние горы — мелюзга, а Монблан — наперсток. В чем же подвиг англичан? Побродили на альпийском воздухе и вернулись к сигарам да выпивке. Нашли чем в газетах хвастать!

Он свернул колобок из хлебного мякиша, покатал по столу, чтоб налипли крошки, сжевал и стал шумно дохлебывать уху.

— Вы правы, правы! Я подумал о том же, поэтому в уставе своего общества главным условием обозначил исследование природы Кавказа. Чтобы не бесцельно лазать по скалам, а с пользой для России. Мы крайне мало знаем о тех местах. На военных картах и то горные перевалы четко не прорисованы.

Почтмейстер, успевший в молодые годы повоевать на южных фронтах в гусарском эскадроне, согласно кивнул. Окрыленный его поддержкой альпинист продолжал:

— Единомышленники нашлись быстро. В клуб записались еще пятеро ученых: два зоолога, ботаник, геолог и этнограф. Каждый преследовал собственный научный интерес. Мы снарядили экспедицию и за первый год сделали массу важных открытий. Соста-



вили подробную карту от Минги-Тау до Кахетского хребта. Обнаружили двадцать семь неизвестных прежде растений и трав, а также кавказскую жужелицу и два новых вида куропаток!

— Хм... Куропаток? — Мармеладов отвлекся от пустого чая и задумался, а не заказать ли жареного каплуна. — Куропатки — это хорошо.

— Да что куропатки! Мы забирались в такие места, где прежде не ступала нога человека. Вообразите, там даже козьих троп не было! Первозданная природа, прекрасная и смертельно опасная... Перезимовали в Тифлисе. Во второй год вылазки делали реже — слишком много времени уходило на описание наших открытий, на корреспонденцию с университетами и научными журналами. Возможно, вам попадались мои зарисовки о винторогих козлах в альманахе Русского географического общества? Нет? А они могут практически по отвесному склону взбираться вверх до... Кхе-х! Я снова не о том. Извините мою вечную рассеянность, господа. Ну при чем тут козлы?! Беды начались, — рассказчик вновь понизил голос и испуганно вжал голову в плечи, — с барана!



— Продолжайте! Ваша история становится все занятнее, — подбодрил сыщик. — Объясните, как связаны баран и упомянутое проклятие?

Макар Макарыч перекрестился.

— Связаны, наипрямейшим образом связаны. Я уже упоминал, что в экспедицию с нами отправился этнограф — Иракий Сабельянов. Происходил он из древнего грузинского рода, но родился и вырос в Петербурге, оттого интерес к историческому и культурному наследию предков имел колоссальный. Часами слушал песни горцев. Записывал старинные сказки, легенды, тосты. Ах, господа, их тосты — вот поэзия в ее высочайших проявлениях. В Москве-то пьют куда прозаичнее: нальют рюмку, скажут «за здоровье Государя!» — это в лучшем случае, — а чаще всего выпьют молча.

— Не соглашусь, — встрял Митя. — Просто у нас вся поэзия не в водке, а в закуске. Груздя соленого на вилку наколешь или капустки квашеной с клюквой со дна зачерпнешь, где поядренее... Во-о-от, сразу слюнки потекли! К тому же, пока кавказец один тост говорит, русский три раза выпить и закусить успеет.



— То-то и оно! Мы торопимся поскорее опрокинуть горькую, а в Грузии не спешат. Сначала тост, потом вино — вкусное, душистое, его пьют медленно, мечтая, чтоб бокал никогда не заканчивался, — и после уж закуска. Тройное удовольствие! И по части закуски они нам двести очков вперед дадут. Во время экспедиции мы собирали не только фольклор, но и рецептов на целую поварскую книгу записали. Ах, грузинская кухня... Пробовали ли вы ад-жигу, господа? Уверен, что нет. Название характерное, эта приправа адски жгучая. Обмакнешь в нее кусок жареного ягненка и понимаешь, что вкуснее ничего не едал. При этом во рту бушует пожар, который бесполезно заливать водой, молоком или вином. Но стоит разжевать и проглотить кусочек хлеба — все проходит. Клянись никогда больше не употреблять в пищу сей жидкий огонь, однако на следующем застолье руки тянутся к плошке с ад-жигой, потому что это невозможно вкусно!

Мармеладов добавил кипятку в недопитый чай, утопил в нем кусочек сахара и размешал, позвякивая ложечкой.

— Давайте вернемся к вашему барану.



— Да, да. Простите, я снова увлекся не к месту... Кхе-х! Во время второй зимовки Сабельянов записал рассказ столетнего горца о заброшенном храме в Имеретии. Будто бы именно там хранилось золотое руно, за которым аргонавты приплывали в Колхиду. Все пересказывать нет необходимости, вы люди образованные, помните греческие мифы. Мы тоже читали эту сказку и не воспринимали сюжет всерьез. Но старец утверждал, что видел своими глазами череп того барана, с которого сняли драгоценную шкуру, и рога у него из чистого золота.

— Рога из золота? Брехня! — громко фыркнул половой, проходивший мимо с подносом.

Вострый поморщился, возмущенный несдержанностью слуги, но потом нехотя признал:

— Я так же отреагировал, когда впервые услышал. Да и не было никакой возможности проверить, зимой перевалы в тех краях непроходимые. А Иракий стал собирать сведения о златорогом черепе. Несколько заслуживающих доверия источников подтвердили: в окрестностях Кутаиса и вправду есть место, которое тамошние жители называют Шихвдэли-Мтиз. Гора Смерти. Она вся изъ-



едена пещерами, в одной из которых — развалины храма и гробница легендарного Аэта. Ходить туда запрещено. Тот, кто потревожит покой царя-колдуна, будет навеки проклят. Мы люди рациональные и лишь посмеялись над суеверным страхом горцев. Но вскоре генерал из окружения наместника под большим секретом сообщил, что двое солдат, посланных на разведку в эти пещеры, так и не вернулись. А когда на их поиски послали еще троих, те тоже пропали без вести.

— Эти предупреждения вас не напугали, а, напротив, раззадорили? — уточнил сыщик. — Ведь о замшелом храме рассказал человек, доживший до ста лет. Раз он видел руины и гнев Аэта не обрушился на седую голову, то и вас проклятие авось минует.

— Да, да. Мы рассудили именно так, и в начале июля сего, 1880, года, отправились в экспедицию. Проводников не нашли, хотя предлагали пастухам пятьсот, а потом и тысячу рублей. Никто не соблазнился! Тут уж мы впервые занервничали, потому что никакие сказки не устоят перед такими деньжищами, а значит, Шихвдэли-Мтиз и впрямь смертельно опасна. Наш богатый опыт восхождения



на сложные кручи оказался здесь почти бесполезен, мы ползли по отвесной стене, уповая только на везение и молитвы. Временами кто-то срывался и висел над бездной, а для того, чтобы поднять его к спасительному уступу, едва хватало сил пяти человек. Два или три скалолаза на этом склоне были бы обречены, потому разведчики и не вернулись к генералу с донесениями. Но мы сдюжили. Забрались так высоко, что к спинам липли облака. Потом и они остались далеко внизу. Мы достигли вершины, и нашим глазам открылся рай, — альпинист зажмурился, представляя чудесную картину, чтобы как можно точнее описать ее собеседникам. — Изумрудные сосны разбежались в две стороны по берегам идеально круглого озера, скованного льдом.

— Льдом? Это летом-то? — удивился Митя.

— На такой высоте снег не тает круглый год, — объяснил Макар Макарыч. — Мы пошли в обход озера и вскоре обнаружили три пещеры, вход в которые давно зарос жестким кустарником. Страшно было в них соваться, но мы уже проделали долгий путь и не собирались отступить. Разделились на пары, нарубили факелов из смолистых веток и шагнули в распахнутые зевы. Левая пещера довольно



быстро закончилась обрывом. Мой напарник — Иракий — рухнул в бездонный колодец. К счастью, шли мы в связке, и я успел зацепиться ногами за каменный выступ, а потом вытащить...

— Как же вам повезло! — воскликнул почтмейстер.

— А чего же этнограф веревку не перерезал? — Мармеладов отодвинул пустой стакан и потер переносицу. — Куда делось святое правило: упал в трещину — обрывай концы? Выходит, Сабельянов смалодушничал.

— Или попросту растерялся, — вздохнул Вострый. — На леднике все ждут подвоха и знают заранее, что делать, а в темном чреве горы мы оказались впервые... Кхе-х! И вообще, господа, вы хотели поскорее выслушать историю, а сами сбиваете на сторону.

— Вопрос возник, вот я и...

— Все вопросы после! — альпинист сверкнул глазами — куда подевалась давешняя стеснительность? — и отмел возражения резким жестом. — Мы осветили яму факелами и убедились, что ни обойти, ни перепрыгнуть ее не получится. Пошли назад, к озеру, и там столкнулись с нашими соратниками, которые исследовали правую пещеру. Им тоже при-



шлось возвращаться — тупик. Оставалась надежда лишь на центральный вход.

Ираклий сказал: «Раз ботаник и геолог оттуда не вернулись, значит, они что-то обнаружили».

Я вспомнил о ловушке, в которую мы только что чуть не рухнули, и осторожно возразил: «Или они погибли и этот вход опаснейший из всех».

«Тогда тем более надо поспешить по их следам! — воскликнул этнограф. — Ежели наши товарищи ранены, мы еще можем их спасти».

И мы вчетвером, не мешкая более ни минуты, устремились в пещеру. Сразу заметили разницу — этот тоннель явно облагораживали, кое-где встречались рисунки, смазанные и нечеткие. Вскоре возник очередной обрыв, но мы уже шагали осторожнее и не ухнули вниз. Приглядевшись, обнаружили грубые ступени, вырубленные в скале — я насчитал двадцать семь, — лесенка спускалась, слегка забирая влево. За поворотом мы увидели храм, не слишком большой, вроде часовни Даниловского монастыря. Фасад из позеленевшего камня кое-где обвалился, а пройдя в стрельчатую арку, мы убедились, что это толь-



ко ширма. Святилищем оказалась пещера! Ее стены в незапамятные времена расписали мифическими сценами — бородач в белых одеждах поочередно душит барса, медведя и дракона, разгоняет огненным мечом несметное войско и топит корабли молниями. Двое наших друзей пришли сюда раньше и остолбенели, лишь заслышав шаги, они встрепенулись. На самом деле там было от чего остолбенеть, господа! Посреди пещеры мы увидели каменную гробницу, накрытую плитой из шлифованного мрамора. Непонятные закорючки — то ли надпись, то ли орнамент — вились по краям, в центре же лежал череп барана с рогами, блестящими в свете факелов.

— Мать честна!

Трое извозчиков, незаметно подсевших ближе, ахнули. Вострый этого не заметил, да и наличие посторонних слушателей его больше не смущало. История катилась к своей кульминации.

— Минут десять мы стояли молча, а может, и больше — на часы никто не смотрел. Первым опомнился Сабельянов. Вцепился в рога, поднял череп на вытянутых руках и тут же вскрикнул: «Не удержу!» Но для него и казан



с пловом неподъемная ноша. Слабоват. Я перехватил — не так уж и тяжело. Пуда нет.

Говорю: «Веревкой надо обвязать, за спину повесить, на манер солдатского ранца. Нам же еще вниз спускаться». Остальные заспорили между собой. Трое считали, что лучше не тревожить древние останки и поскорее убираться из этого странного храма. Я, Ираклий и один из зоологов уверяли, что артефакт важен для науки, это же уникальная возможность отделить легенды и мифы от исторических фактов, а кроме того, интересно осмотреть череп животного, жившего три тысячи лет назад.

Геолог возразил: «Но как же проклятие?»

На него зашикали со всех сторон, а я прибавил: «Мы же люди трезвомыслящие, люди науки и логики, поэтому в мистическую чушь верить не должны».

Этнограф горячо поддержал меня и предложил не ограничиваться изучением только бараньих рогов, но откинуть крышку и посмотреть, кто лежит в каменном саркофаге.

Ботаник не соглашался: «Это как раз противоречит логике. Неизвестно от чего умер тот, кого похоронили здесь. А ну как чума? Или еще что-то смертоносное?»



Ираклий язвительно заметил: «Удобно прикрывать широким плащом логики свои дрожащие колени».

Ботаник вскинулся: «Кого это вы посмели назвать трусом, сударь?!»

Они прожигали друг друга взглядами, покрикивая все громче. Мы постарались их разнять, но в итоге только все переругались, будто удушливая темнота пещеры нарочно наполняла наши души ненавистью. Орала, не слушая друг друга, каждый свое, а эхо свивало из этих воплей отвратительную какофонию.

Отрезвил нас камешек, сорвавшийся с потолка пещеры. Все перешли на шепот, однако к согласию мы так и не пришли. Голоса разделились поровну. Пришлось напомнить об уставе общества: мне, как председателю, во всех подобных раскладах полагался дополнительный голос, чтобы склонить чашу весов к одному из решений. Поэтому я твердо сказал: «Уносим череп, и точка!» Ох, господа, с тех пор не раз, а многожды жалел я об этом решении, горько плакал о судьбе погибших друзей...

— Да что стряслось-то, барин? — не выдержал самый дотошный из кучеров, а за ним и остальные подхватили:



— Верно! Толком доскажи! Обстоятельно!

Альпинист не оглянулся на галдеж, он следил за реакцией Мармеладова, а тот и бровью не повел, погруженный в собственные мысли.

— Стряслось... Кхе-х! Лучше и не выразить. Сверху обрушился сталактит, не меньше пяти аршин длиной. Упал точнехонько в центр мраморной плиты и расколол ее надвое. Из гробницы взметнулись кости, словно давно истлевший покойник пытался выбраться и остановить нас. А вслед за тем свод пещеры начал обваливаться. Оттуда с противным визгом спорхнули тысячи летучих мышей. Все факелы погасли, кроме одного — тут повезло, если бы мы тратили время, нашаривая в карманах спички, или искали выход ощупью, камень уложил бы всех в братскую могилу. А нам удалось разглядеть ступеньки, вырубленные в скале. Через тоннель выбрались наружу. Бежали по замерзшему озеру, ледяной панцирь трескался под ногами... Спустились с горы уже в сумерках. Дрожащие от страха, от холода и нервного напряжения, зато живые.

— И с добычей, — подытожил сыщик.

— Да, да. Как вы эти нюансы угадываете?!

Мы бежали сломя голову, но кто-то успел схватить и вытащить из-под обвала прокля-



тый череп. Он скалил кривые зубы, и эта гримаса не сулила ничего хорошего. У подножия горы мы укутали свою находку в два мешка, чтоб какой-нибудь абрек не позарился на позолоту. Вернулись в Тифлис и, представьте, господа, выяснили странную вещь: никакая то была не позолота! Эти штуки, — он нарисовал на воздухе у своих висков огромные рожища, — прочно вросли в кость, но вместе с тем были и впрямь золотыми. В чем мы и убедились, распилив один пополам. Не скажу за остальных, но меня сей факт впечатлил. Как человек науки я пытался найти разумное объяснение, но в душе уже верил в легенду про аргонавтов, охотящихся за руном. А на следующий день началась вся эта дьявольщина, которая преследует меня до сих пор. Но дальше история моя снова приобретает деликатный характер и для чужих ушей более не предназначается!

Извозчики пригорюнились, отодвинулись к другому краю стола. Мармеладов глянул на мужиков, в глазах его сверкнула озорная искра.

— Через полчаса у меня назначена встреча в редакции «Московских ведомостей». Не



угодно ли составить компанию? По дороге все и доскажете. Митя, ты с нами?

— Однозначно и бесповоротно!

— И чтоб извозчика на углу не дожидаться, возьмем одного из здешних. Вот у Спирышки коляска на новых рессорах, не скрипит. Так вроде?

— Так точно-с!

Кучер вскочил с лавки и резво побежал готовить экипаж. Уж свезло так свезло! Спиридон мигом сообразил свою выгоду: он подслушает обрывки беседы и сплит вполне пригодную байку, за которую вечером в этом трактире угостят ужином да еще и анисовки нальют, чтоб горло промочить. Только ехать надо помедленнее, иначе кроме ветра в ушах ничего не услышишь.

## II

Рессоры и вправду не скрипели. Коляска неспешно катилась по Остоженке, предоставляя седокам возможность хорошенько рассмотреть, чем отличается особняк Всеволожских от усадьбы Тургеневых. А ничем, в сущности, не отличается — тот же портик на шести колоннах, те же непропорционально вытянутые окна. Да еще и окрашены до-



ма одинаково: левый — серый, как мышь, правый тоже серый, но оттенком больше на голубя смахивает. Близнецы, в том и ирония! Но хозяйева с такими похожими вкусами друг друга недолюбливают и в гости, по-соседски, не захаживают.

Впрочем, сей архитектурный анекдот не привлек внимания пассажиров. Митя с отвисшей челюстью слушал рассказ альпиниста, точно такое выражение лица было и у кучера Спирьки, но тот сидел спиной и разглядеть это Вострому все равно не удалось бы. Мармеладов же, казалось, вновь погрузился в собственные мысли, хотя при этом он чутко ловил каждое слово, жест или интонацию Макара Макарыча.

— Вы не поверите... Кхе-х! Я тоже не сразу поверил, но проклятие древней гробницы существует. Стоило распилить бараний рог, и на следующее утро... Геолог не проснулся. У него на шее обнаружили рану — тонкую и прямую, будто по горлу чиркнул острый коготь летучей мыши. Тут мы сразу вспомнили, что в зловещей пещере этих тварей полным-полно, одна из них могла прилететь вслед за нами. Могла же? Не качайте головой, господин сыщик, умоляю! Да, обычный нетопырь такое рассто-



яние преодолеть не сумел бы, но — не забывайте — мы потревожили покой колдуна. Это его черная душа пронеслась над горами, чтобы отомстить. Мы — пятеро трезвомыслящих ученых — в тот момент не нашли другого объяснения и жутко перепугались. Решили свернуть экспедицию и в скором времени возвращаться в Москву.

Перед отъездом каждому из нас оставалось закончить несколько дел. Ботаник ушел в горы, набрать весенних трав для гербария. Ираклий сказал, что нельзя отпускать его одного, но все отмахнулись: что плохого может случиться на пологом склоне, по которому и ребенку под силу подняться, да еще среди бела дня? Но представьте себе, господа, сошла лавина и погребла несчастного вместе с конем. Паника охватила альпийский клуб. Все проголосовали за скорейшее отбытие с Кавказа — сразу после ужина погрузили в карету самое необходимое и тронулись в путь. И наплевать, что уникальные научные коллекции пришлось бросить в тифлисском дворе, буквально под открытым небом. Жизни важнее!

Ровно в полночь — я машинально взглянул на часы, потому и запомнил — зоолог пожаловался на головную боль. Потом его само-



чувствие улучшилось, и он заснул, крайне неудобно вывернув шею. Но к рассвету стало хуже. На завтрак больной почти ничего не ел, через час начал бредить и перестал узнавать друзей. А к вечеру... Кхе-х! К вечеру преставился.

— Трое за два дня! — воскликнул Митя. — Как тут не уверовать в проклятье.

— Да, да! От пережитого ужаса оставшиеся в живых прежде времени поседали. С тех пор я вынужден брить голову, чтобы не смущать окружающих нелепым видом молодого мужчины с копной старческих волос... Ох-ох-ох, снова отклонился от главного! Простите мою рассеянность, господа. Нужно сосредоточиться... Остановились на ночлег в Воронеже, и здесь наш второй зоолог сошел с ума. Проснулся посреди ночи с криком «Колдовство!» и стал рассказывать, что его пытался задушить призрак. Описал жуткое лицо, горящее в темноте, подобно солнцу. Только у солнца свет живой и радостный, а от привидения исходило зеленовато-желтое сияние, а в воздухе витал тошнотворный запах трупного разложения. Мы с Ираклием сошлись во мнении, что прежде чем ехать дальше, необходимо зайти в церковь и причаститься — благо как раз насту-



пило воскресенье. Что же вы думаете, господа, помогло зоологу причастие?!

— Видимо, нет, — предположил сыщик.

— Нет, нет и нет! — Вострый трижды рубанул ребром ладони по воздуху. — Отведав плоти и крови Христовых, он окончательно лишился рассудка. Стал шарахаться от образов, ломать горящие свечи и вопить, что вокруг демоны. Причем таким визгливым голосом, которого мы прежде не слышали. Будто в него вселился нечистый! Мы с Ираклием и двое священников попытались обуздать, но безумец вырвался и убежал на колокольню. Там заклинил крышку лаза, чтоб за ним не могли подняться другие, пару минут звонил в набат, приказывал прихожанам кланяться золотому барану, а после спрыгнул вниз и разбился насмерть.

— Святые угодники! — извозчик натянул поводья, да так резко, что грязно-белая лошаденка поднялась на дыбы и заржала от обиды. — Да что ты, старая... Плетись помалеху...

Почтмейстер реагировал иначе — поразмыслил немного и сказал:

— А если и вправду одержимость бесами? Это не мистическая чушь, подобные случаи описаны во вполне серьезных журналах. Кто



знает, бараний ли череп вы нашли или... Голову черта!

— Да, да. Подобная мысль посещала меня неоднократно, — согласился Макар Макарыч. — Я же своими глазами видел, как это происходит! Наша карета приближалась к Москве. Ираклий сидел напротив. Уставился в одну точку, не говоря ни слова. Потом начал подвывать и раскачиваться, будто зуб у него нарывает. Но на самом деле его постепенно охватывало безумие. И как только мы въехали в лесную чащу, Сабельянов схватил рогатый череп, лежавший под сиденьем, поцеловал в кривозубую пасть и выпрыгнул с ним из кареты на полном ходу. Я думал, расшибется, а Ираклий скатился в овраг и был таков.

— Когда это произошло? — встрепенулся сыщик.

— Месяц назад. Да, точно — девятого августа. С тех пор мне нет покоя. Каждый день я боюсь сойти с ума, а по ночам вижу один и тот же кошмар: скелет барана выпрыгивает из адского пламени и расшибает меня о стену золотыми рогами. Вскоре проклятие затуманит мой разум и, скорее всего, доведет до самоубийства, — Вострый посмотрел на Мармела-



дова глазами, полными слез, — или еще какой смертельной глупости.

— Нет никакого проклятия.

— Погодите... Вы что, совсем не слушали?! Я же описал, как один за другим мои друзья по альпийскому клубу стали жертвами...

— ...коварного обманщика. С самого начала вашего рассказа я понял, что это не удары судьбы и, уж конечно, не месть мифического кодуна. Всех погубил...

— Кто? — хором выдохнули альпинист и почтмейстер, и даже кучер не удержался, обернулся к седокам.

— Э, нет. Вы, Макар Макарыч, требовали не перебивать вопросами. Вот и терпите теперь. Имя убийцы я назову позже. Тем более до редакции «Ведомостей» еще три квартала ехать, — Мармеладов поерзал на скамье, усаживаясь поудобнее. — Беда в том, господин Вострый, что вы смотрели на все смерти в этой цепочке через призму зловещего проклятия и подыскивали им мистические толкования. Если же взять отдельно каждое происшествие, то вы увидите более простое объяснение.

— Но как же...



— Да вот хотя бы смерть геолога. Тонкий прямой разрез поперек горла. Любой городской, увидев такую рану, скажет, что ее нанесли бритвой или ножом. Но убийца сочинил страшилку о летучих мышах из «той пещеры», и напуганные люди повторили за ним эту ерунду, а потом и сами в нее поверили. Теперь касаются лавины. В горах достаточно пальнуть из ружья, и снежная шапка скатится вниз по склону, слизывая все на своем пути. Даже я, человек не вхожий в альпийские клубы, это знаю — попадалось в какой-то статье, которую переводил с немецкого... Но отчего же пятеро опытных альпинистов сразу исключили столь очевидный факт? Потому что один из вас — тот, кто тайком крался за ботаником, выбирал надежное укрытие и стрелял, чтобы его угробить, — громче всех кричал: это кара за похищение черепа из гробницы. И никто не взвесил в уме, какая причина правдоподобнее.

— Мы не могли ясно мыслить... Кхе-х! Гора смерти, паническое бегство в Тифлис, бессонные ночи или кошмарные видения у тех, кто отважился уснуть.

— Верно, вы накручивали себя и друг друга, а негодяй этим пользовался. Нарочно отравил



зоолога перед тем, как отправиться в дорогу. В карете, под стук колес, прекрасно думается, и мысли обретают четкие формы — замечали вы такое? Стало быть, любой из вас мог проанализировать ситуацию, прийти к тем же умозаключениям, что и я сегодня. Тут убийце и конец. Втроем вы бы его скрутили и обезвредили. Потому ловкач и отвлек внимание столь жестоким способом. Целые сутки вы наблюдали, как мучается «проклятый», и дрожали от ужаса, что вскорости с вами случится нечто подобное.

— Да, да. Вы крайне достоверно описываете наше состояние, будто сами ехали в той карете, — вздохнул Макар Макарыч. — Но с чего вы взяли, что беднягу отравили?

— Описанные вами симптомы указывают на оксид мышьяка. Зоологу подсыпали яд за ужином, и он не разобрал его характерный запах только потому, что любил ад-жигу, как и вся ваша братия. Под таким соусом можно проглотить любую отраву.

— А призрак? — почтмейстер тоже поверил в губительную силу проклятия древней гробницы и не спешил отказываться от мистических объяснений. — Являлась же в ночи светящаяся харя!



— Эка невидаль! Смешай фосфор пополам с рыбьим клеем, вот тебе и свечение, и мертвенно-зеленый оттенок. Опять же запах противный, легко перепутать с трупным смрадом. На лицо такое мазать никто не рискнет, но душегуб сделал маску. Ну, послушайте, разве вы не замечаете, как вовремя сошел с ума зоолог?! Воронеж на поддороге между Кавказом и Москвой. Убийце как раз требовался очередной отвлекающий момент, чтобы его не разоблачили. Настоящее безумие нельзя вызывать по заказу, мозг человека — слишком сложный механизм. А создать видимость безумия... Предположу, что злодей добавил в еду семена дурмана. И заметьте, снова за ужином! Ночью припугнул светящейся маской, а на заре предложил пойти в церковь. Он подталкивал вас к причастию, имея особый умысел.

— Господи! Да какой же ему в том расчет? — недоумевал альпинист.

— Дурман и сам по себе опасен для разума, но если еще и вина глотнуть, то возникнет моментальное помрачение. Человек станет буйным и не в меру подозрительным — угнетенное сознание заставит его видеть кругом врагов и бросаться на людей. Убийца не мог знать наперед, что одурманенный спрыгнет с



колокольни, но тут ему повезло. Выиграл очередной раунд и, надо признать, довольно изобретательно. Оставалось устранить последнего свидетеля — вас. И почему, скажите, Ираклий этого не сделал?

— Так это он? — ахнул почтмейстер.

— А кто же еще?! Именно этнограф потащил всех на гору смерти. Уверен, о заброшенном храме Сабельянов знал задолго до вашей экспедиции. Может, из семейных преданий — вы же упоминали, что его предки жили в Грузии, верно? Скорее всего, в прежние времена к пещерам вели удобные тропы, — как-то же туда поднимались жители древней Колхиды, чтобы похоронить Аэта. И тот столетний горец, очевидно, в далекой молодости взбирался к пещерам без проблем. Но за последние полвека из-за обвалов и камнепадов гора сделалась неприступной. Вот и понадобилась поддержка альпийского клуба. Весь мистический туман не скроет главного факта: убийца охотился за черепом с золотыми рогами и заполучил его. А вы, Макар Макарыч, отчего-то недоговариваете. Искажаете факты. Человек, который говорит правду, не станет так часто повторять «на самом деле», «на самом деле»... Вы в своем рассказе выделили Ираклия сре-



ди всех лишь потому, что уже догадались о его особой роли в этой истории. Остальных друзей даже по именам не называли. Так что же вы скрываете?

Вострый побледнел, но тут же лицо его покрылось багровыми пятнами. Дважды открывал рот, чтобы сказать, но дыхания не хватало. Наконец, набрал побольше воздуха и с третьей попытки произнес:

— Ваша проницательность, господин Мармеладов, поистине впечатляет и даже немного пугает. Народная молва нисколько не приукрашивает ваш сыскной талант, в чем я убедился окончательно. Как вы разложили все по полочкам — залюбуешься! Кхе-х! Вы правы, я давно догадался, кто именно стоит за всеми убийствами. Иракий не просто так выпрыгнул из кареты на ходу. Прежде он набросился на меня и стал душить. Я растерялся и поначалу не оказал сопротивления, но когда в глазах потемнело, инстинктивно отбросил его в угол, на подушки. Как уже упоминалось ранее, Сабельянов гораздо subtilнее меня и силенок небольших. Поэтому он не отважился напасть снова, а вместо этого распахнул дверцу и бросился в лесную чащу. Еще и череп, лежавший под сиденьем, прихватил. Че-



рез пару секунд я пришел в себя, выглянул на дорогу. Злодея не увидел. Я предположил, что он скатился в овраг и кусты смягчили падение, но останавливаться и проверять не стал. Сказать по правде, испугался... Кхе-х!

— Немудрено, — кивнул Митя. — Одно дело сражаться на поле боя — тоже страшно, однако все по-честному: у обоих клинки, ружья. Или ты его, или он тебя. А когда враг подкрадывается со спины или нападает из-за угла...

— Именно что из-за угла! — Вострый снова побледнел. — После того случая в лесу прошел месяц, а я пережил уже три покушения. Сперва меня чуть не сшиб экипаж. Возница нарочно выехал на тротуар на всем скаку, чтобы затоптать меня конями или размазать по стене дома. Ему это почти удалось. Знаете дом на Маросейке, где на фасаде проделаны ниши для каменных ваз с цветами? Вот в такую нишу я сумел втиснуться в последний момент. Иначе — неминуемая смерть.

Почтмейстер шумно выдохнул, а кучер Спиридон зацокал языком. Мармеладов же вновь не отреагировал — такое впечатление, что, угадав убийцу, он утратил интерес к дальнейшей истории.



— В другой раз прогуливался по Сретенке, и с крыши углового дома мне на голову сбросили каменную плиту. Еще пара шагов, и раздавило бы в лепешку. Но встречный прохожий задержал вопросом «Как пройти к бульварам?». Каждое утро молюсь за его здоровье! Третье покушение случилось вчера вечером. В подворотне у дома на меня напал бродяга с шипастой палицей. Но я, уже наученный горьким опытом, ношу кинжал в рукаве, — Макара Макарыч достал тонкий стилет с серебряной рукоятью. — Проткнул плечо бандиту, и тот сбежал, истекая кровью. Не желая дожидаться новой напасти, я разузнал, кто лучший сыщик в Москве, и поспешил к вам за помощью!

— То, что вы называете покушениями, на самом деле, — Мармеладов выделил последние слова, — может оказаться обычным совпадением.

— Нет, нет! Там, на Маросейке, когда мимо промелькнуло окошко кареты — клянусь! — я увидел в нем перекошенное от злобы лицо Иракия. Поверьте, он не отстанет от меня. Единственный шанс на спасение состоит в том, что я разыщу нелюдя и сдам полиции раньше, чем он убьет меня. Но как это сделать? Сабельянов затаился, живет затворни-



ком. Я спрашивал общих знакомцев — никто не знает его адреса. Сможете ли вы помочь?

— Думаю, да. А вот и редакция «Ведомостей», — Мармеладов оглянулся на двухэтажный особняк, возле которого остановилась коляска. — Здесь мы найдем идеальный способ выманить преступника из той норы, в которой он прячется.

— Как? — Три вопроса снова слились в один.

— Дадим в газету объявление: «Единственное выступление! Знаменитый ученый...» Макара Макарыч, как вы считаете, кто более интересен из заграничных археологов — Брунн или Фальке?

— Однозначно Брунн! Тут и думать нечего. Его работа об орнаментах этрусков этим летом наделала много шума в научных кругах.

— Так и запишем: «Знаменитый ученый Генрих Брунн из Мюнхенского университета выступит с лекцией об искусстве этрусков и редких экспонатах, найденных при раскопках...». Пропечатают в газете. Иракий прочтет, и если он впрямь так увлечен древними диковинками, то не сможет пропустить такое событие.

— А прочтет?



— Помилуйте, да разве есть в Москве те, кто «Ведомостей» не читает?! Обязательно прочтет. Лекцию назначим на три пополудни, в Казаковском корпусе на Моховой.

— И скрутим гада! — воодушевился Митя.

— Нет. Проследим за ним до логова, где хранится череп. А уже там скрутим.

— Зачем же рисковать? — заволновался Вострый. — Он сбежит. Он хитрый. Лучше привлечь десяток городских и взять под арест...

— Не факт, что следствие сумеет доказать причастность Сабельянова ко всем злодеяниям. Безоговорочных улик ведь не найдут. Ваш рассказ в суде выслушают с интересом, но это лишь слова... Выйдет убийца на свободу да и останется при своей добыче. Поэтому прежде, чем арестовать, надо отобрать у него древний череп. То-то ваш Иракий взбесится! А в возбужденном состоянии на допросе может и проговориться. Наистерит себе каторгу или смертный приговор.

— Вот это будет справедливо! — воскликнул почтмейстер.

— Кроме того, — подмигнул сыщик, — мне крайне любопытно взглянуть на золотые рога.



### III

Главный корпус Московского университета с утра жужжал, напоминая улей, но к двум часам пополудни большинство «пчелок» разлетелись кто куда. Последними альма-матер покидали «шмели» — прилежные студенты, отдающие учебе много времени и сил, а также нерадивые «трутни», которые задерживались, чтобы списать у отличников. Разницу между ними сразу не определишь. Вот спускаются по лестнице двое: оба бледные, худощавые, в чистых сюртуках, очки на носах поправляют. Поди угадай, кто из них отлично учится, а кто посредственно. Да и важно ли это? Самим юнцам точно нет. Судя по разговору, их мысли занимают совсем не полученные оценки.

— Назначил Ирине свидание у памятника Пушкину. Не пришла! — сокрушался тот, что волосом темнее. — Спрашиваю потом: «Чего ж ты?» А она в ответ: «Пушкин писал пошлые стишки, а раз зовешь меня к нему, значит, и ты человек пошлый. Нечего с тобой время терять!»

— Это где такой памятник? — переспросил второй, смешно морща рябое лицо.

— На Тверском бульваре, — брюнет показал рукой, но ошибся с направлением и мах-



нул в сторону Китай-города. Ага, стало быть, двоечник как раз он.

— Не видал.

— Как не видал? Летом поставили. Нынче все влюбленные там встречаются. Не понимаю, почему эта дуреха закапризничала.

— Может, и к лучшему, — вздохнул отличник. — Хоть деньги сохранишь. Моя-то Наденька на все свидания приходит, а потом то морсу ей черничного хочется, то водевиль посмотреть. Я уж, вдобавок к стипендии, репетиторствую. В трех семьях уроки оболтусам даю, но дохода все одно не хватает.

— Это верно. Приличные барышни обходятся куда дороже продажных девок!

Оба захохотали, подталкивая друг друга локтями, и вывалились на крыльцо.

— Шутки шутками, а я пятый день ложусь спать с пустым брюхом. Не ужинаю, чтобы скопить капиталец для субботней прогулки.

— Ничего, через месяц откроется цирк Саламонского на Цветном бульваре. Обещают дешевые билеты и много веселых клоунов.

— Какой цирк? Барышням романтика нужна. Скорей бы дожди зарядили, чтоб хоть появился повод сидеть дома и обжиматься!



Мармеладов наблюдал за студентами из окна второго этажа. Отсюда хорошо просматривалась мощеная дорожка до ворот и небольшая часть тротуара на Моховой улице.

— А ежели он не придет?

Вострый не мог стоять спокойно и нервно прохаживался по гулкой аудитории, иногда приближаясь к окну и бросая взгляд на университетский двор поверх плеча сыщика.

— Непременно придет, — спокойно сказал Мармеладов. — Смотрите, у крыльца уже начали собираться желающие послушать немецкого профессора.

— То-то они сейчас разбушуются, узнав об отмене лекции. Пойдут по улице, ругаясь на все лады. А если Иракий услышит и повернет обратно?

— Поставьте себя на место Сабельянова. Он скрывается от всех и потому вряд ли отважится прийти в числе первых. Скорее уж, опоздает на четверть часа, чтобы сесть в задних рядах, где его никто не заметит. Стало быть, появится уже после того, как все недовольные успеют разойтись.

— А ежели мы его отсюда не заметим? — волновался альпинист.

— Здесь лучшее место для наблюдения. Дорожка одна. Вход один. На дверях объявление



о том, что лекция профессора Брунна отменена по причине неприезда одного в Москву. Прочсть сей лист издалека невозможно, сам проверял, а у меня зрение прекрасное. Злодей подойдет, ознакомится с запиской, пропишит что-нибудь забористое и отправится восвояси.

— А мы за ним?

— А мы за ним.

Помолчали, глядя, как внизу вышагивают любители археологии. На пути к крыльцу они напоминали зажженные свечи — спина прямая, глаза горят предвкушением. Обратно шли потухшие, сторбленные, истекая обидой и желчью, словно каплями воска.

— Но что, ежели Иракий глянет от ворот, нас в окне увидит и сбежит? — тревожился Макар Макарыч.

— Я же не случайно выбрал время начала «лекции» в три пополудни. В этот час солнце светит в лицо входящим, а смотреть на окна против солнечных лучей — только глаза жечь. Слезы брызнут, ничего не разглядишь. Нам же любой человек виден на расстоянии. Разве вы не узнаете своего друга издали?

— Конечно, узнаю. Иракий невысокого роста, мне по плечо будет. Фигурой крепок.



Волосы седые, как я уже говорил, хотя ему это уже и по возрасту — давно за сорок, пожалуй, ближе к пятидесяти годам. Усов и бороды не носит. Может нацепить фальшивую, для маскировки, но я и тогда его узнаю.

Снова помолчали. Вострый косился на цилиндр ярко-малинового цвета, что стоял на подоконнике рядом с сыщиком.

— Возможно, я слишком одичал, лазая по Кавказским горам, но объясните, что это за странный выверт моды?

— Считайте, что это моя фальшивая борода, — сказал Мармеладов.

— Не понимаю...

— Что в слезке важнее всего? Не дать человеку малейшего подозрения, что за ним следят. Особенно если речь идет о чрезвычайно мнительном господине, как этот ваш Сабельянов.

— Филеры же поэтому и одеваются неброско, в серое.

— Они одеваются так потому, что идиоты. Это зимой в Москве все ходят в черном да буром, но в теплое время года — не заставите. Посмотрите вокруг! Вот идут солидные люди слушать лекцию заморского профессора. И что же? Обратите внимание на цвета их



сюртуков — горчичный, амарантовый<sup>1</sup>, савоярский<sup>2</sup>, есть даже блёдамур<sup>3</sup>. Серый цвет в такой толпе привлекает внимание. Да и кому охота в солнечный день носить блеклые одежды? По доброй воле никто в серое не нарядится, стало быть, сразу понятно, что это наряд для службы. А ведь именно это и нужно скрыть. Я бы одевал шпиков в самые щегольские пиджаки. Иначе вся маскировка коту под хвост. Но глупость полицейских мне как раз вполне полезна, — улыбнулся сыщик. — Если Ираклий обернется пару раз и увидит серого типчика в котелке, то сразу все поймет. А взглянет на мою шляпу и решит: «То, что малиновый позади топчется — случайное совпадение». Ни один разумный человек не поверит, что «хвост» наденет такой вызывающе приметный цилиндр. Это против всякой логики.

— Да, но... Оглянется третий раз, пятый, седьмой, а позади все время эдакая красная шапочка маячит. Тогда уж точно заподозрит.

— Верно. Но я-то не буду все время ему глаза мозолить. Пройду три квартала, потом отстану, и Митя меня подменит.

<sup>1</sup> Малиновый (*устар.*).

<sup>2</sup> Красно-коричневый с золотым отливом.

<sup>3</sup> Голубовато-серый, от французского *bleu d'amour* — «любовный синий».



— А где он?

— На углу дежурит, с извозчиком, на случай, если этнограф в коляску сядет. Потихоньку поедет за ним, на расстоянии. А еще через пять кварталов снова я на след вернусь, но уже без цилиндра. Иракий меня не признает. Это тоже удивительный эффект яркой шляпы: она привлекает все внимание, а лицо под ней не запоминается... Таким образом Сабельянов приведет нас к своему логову.

Вострый восхищенно смотрел на сыщика, и сомнения из его голоса сменялись воодушевлением.

— Давайте и я за ним пройду! Хоть те же три квартала, а?

— Ни в коем случае. Если злодей вас признает, то сразу сбежит. Причем явно не туда, где лежит златорогий череп. Нет, он начнет метаться как заяц, путая следы. Поэтому вы останетесь на крыльце университета, сосчитаете до ста. Дважды! И только потом пойдете за мной.

— Но я же отстану, — альпинист уныло повесил ястребиный нос. — Потеряю вас из виду.

— Вряд ли. Яркий цилиндр за версту заметен. А предположить, что на оживленной ули-



це Москвы сойдутся двое в подобных шляпах... Нереально! Мы же не в Париже.

Макар Макарыч слушал и кивал, но смотрел в окно мимо собеседника. Внезапно он вскрикнул и вцепился в темно-синюю портьеру.

— Иракий! Затея ваша сработала! Честно признаться, я не верил. Не верил... Но... Позвольте пожать руку! Вы гениальный сыщик.

Мармеладов оглянулся. По двору шагал невысокий крепыш с лицом, будто вылепленным из влажной глины и уже изрядно оплывшим. Одет во все черное, как гробовщик из похоронной конторы.

— О, как же это волнительно! Подходит к двери... Читает. Оглядывается. Ай! — Вострый присел на корточки и спрятался за подоконником. — Посмотрел в нашу сторону, — пояснил он шепотом. — Чуть не столкнулись взглядами... Ах да... Он же нас не видит. Что делает изверг? Можете разглядеть со своего места?

— Уходит.

— Так чего же мы медлим?! Бежим вдогон!

— Погодите, он непременно задержится у ворот. Захочет убедиться, что никто не выскокит за ним на крыльцо. Чует подвох. Дадим ему



успокоиться. Вот так! Огляделся. Двор пустой, вроде успокоился ваш Иракий. Посмотрим, куда свернет — направо или налево.

— И к-куда?

— Направо, — сыщик нахлобучил свой яркий головной убор. — А теперь — пора!

У поворота на Большую Никитскую стояла коляска кучера Спиридона с поднятым верхом. Митя выглянул из-под тента.

— Которого мы ловим? — спросил он.

— Невысокий, седовласый, в черном костюме.

— Видел такого, с минуту назад мимо прошел. Вверх по улице, к Вознесению. Свернуть по пути особо некуда, но ты, братец, поторопись.

— Действуем, как заранее условились, — ответил Мармеладов. — Отпусти меня шагов на полтораста и поезжай следом. Когда сниму шляпу — обгоняй, дальше веди его сам.

Сабельянов нервничал. То замедлял шаг, то срывался на бодрую рысцу. Трижды перебежал дорогу, уворачиваясь от лошадей, и тут же останавливался у витрин, заглядывая в отражение — не повторит ли кто его маневр? Но излишней суеты среди прохожих не замечал. Мармеладов шел по левой стороне улицы,

